

**СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО:
К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРИЧИН И МАСШТАБОВ ГОСУДАРСТ-
ВЕННОЙ РЕПРЕССИВНОСТИ ***

Т. Г. Леонтьева

В статье на примере церковно-государственных отношений 1920–1930-х гг. выявляется природа репрессивности в отношении православного духовенства.

Ключевые слова: православное духовенство, сталинский террор, репрессии.

Постсоветское «открытие» темы репрессий, ГУЛАГа и масштабов «сталинского террора» началось с предельно эмоциональных оценок – изначально избыточных для исследовательского процесса. Именно на этой волне развернулась кампания по реабилитации жертв режима, а параллельно шло освоение документального материала, отложившегося в архивах. Однако общественной аффектации прошлых лет так и не удалось исполнить роль «осинового кола», который так хотелось вбить в труп сталинизма его разоблачителям. Идея «сильной власти» по-прежнему остается привлекательной в России, она во всё большей степени ассоциируется с именем Сталина, высокие рейтинги которого держатся не только за счёт голосов представителей старшего поколения, но и части молодёжи.

Возникает вопрос: всё ли сделали историки, чтобы понять природу сталинизма и доступным языком довести до массового сознания не только его устрашающие масштабы, но и ужасы повседневного воплощения? Возможно ли это в принципе в условиях, когда современная сетевая культура, с одной стороны, парализует когнитивные возможности человека, с другой – лишает его способности сострадать? И не станет ли постижение «логики террора» невольным оправданием его «исторической необходимости»?

В истории немало тем, научно осмыслить которые можно только по мере их «остывания». Уже несколько десятилетий зарубежные и российские исследователи упорно пытаются уловить закономерности социально-политических процессов 1920–1930-х гг.; опубликован мощный комплекс самых различных документов; можно сказать, складываются определённые

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.1. Проект: «Модернизационные процессы в развитии российской провинции 1920–30-х гг. (теоретические проблемы, пути и практика изучения)».

исследовательские направления. Однако ясности по-прежнему нет, если, конечно, не считать естественных – применительно к предмету изучения – очередных случаев аффектированного самообмана. Чем определяется накал страстей? В какой мере он подавляет логику? До какой степени люди готовы довольствоваться фикциями истины?

Попробуем ответить на эти вопросы применительно к изучению террора, направленного против православного духовенства. Не приходится сомневаться, что в данном случае крайне жёсткие репрессии обрушились на заведомо слабый социальный слой, вроде бы по самой своей природе не способный на активное противодействие власти. Можно, конечно, ограничиться сентенциями (и соответствующими научными аргументами) по поводу садистского характера власти (что вовсе не будет несправедливым по отношению к ней). Но учитываем ли мы все специфические моменты данной проблематики, основываясь на конкретном историческом материале¹?

Первая особенность «богоборчества» большевиков связана с самим характером представлений нового правящего слоя о Русской православной церкви (далее – РПЦ). Совершенно очевидно, что они складывались в предшествующий исторический период.

Большевики – эти злые пасынки эпохи Просвещения – были убеждены в «исторической непреклонности» своей миссии, не понять значение которой, по их представлениям, мог только крайний реакционер. И надо заметить, что подобное убеждение в большей или меньшей степени отражало представления всей радикальной и либеральной интеллигенции в России. Сразу после падения самодержавия у большевиков не могло не возникнуть ощущения, что не только «пролетарский авангард», но и крестьянство в целом настроено против духовенства². Действительно, массовое движение против неугодных попов (особенно в деревне) сразу же дало о себе знать. С другой стороны, большевики – в соответствии со своими «классово-антагонистическими» представлениями об обществе – явно переоценивали

¹ На сегодняшний день автором опубликовано несколько статей, касающихся проблематики репрессий против духовенства: *Леонтьева Т. Г.* Калининское духовенство в репрессиях 1937–1938 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы VI междунар. научн. конф. Иваново, 2007. С. 77–84; *Её же.* «Изъятие церковного элемента»: репрессии 1937–1938 годов // Книга Памяти жертв политических репрессий по Калининской области. Тверь, 2007. Т. 3. С. 26–39; *Её же.* Священник, революция, власть: судьба Андрея Голикова // Долг и судьба историка. Сб. ст. памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова. М., 2008. С. 222–246; *Её же.* «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // *The Soviet and Post-Soviet Review.* 2009. V. 36. No. 2. С. 182–196; *Её же.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области. 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции, 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 216–244; *Leont'eva T.* Kirchen und Religionsgemeinschaften in den Jahren der «bolschewistischen Perestrojka» im Gebiet Kalinin / Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls № 00447. Berlin, 2010. S. 235–266.

² См.: *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 203–219.

масштабы «политического размежевания» внутри духовенства³. На деле налицо был скорее кризис церкви, лишившейся привычной опоры на государственность, но не нашедшей опоры в массах.

Как не раз отмечали современники событий и соответственно констатировали исследователи, после Февраля развернулся процесс устранения «реакционных» епископов⁴. Одновременно наблюдалось оживление приходской деятельности снизу⁵. Некоторые священники искренне заявляли о своей готовности «слиться с народом и идти с ним по демократическому пути»⁶. Однако это вовсе не означало, что так называемые «церковные большевики» (радикальные обновленцы⁷) бесповоротно превратятся в «красных попов».

Новая власть явно переоценила атеистическую составляющую в случаях антицерковного хулиганства и кощунства (например, в апреле 1917 г. группа лиц в солдатской форме осквернила мощи преподобного Паисия в Киево-Печерской лавре⁸) – этот индикатор общих морально-деструктивных процессов был известен ещё с 1905 г. О падении общественной нравственности косвенно свидетельствовали участвовавшие ограбления церквей, посягательства на права и жизнь священников, акты вызывающего святотатства, а затем и случаи разорения монастырей.

Но стоило бы обратить внимание на другое. Даже основательно распропагандированные рабочие Путиловского завода стремились скорее к модернизации церковной жизни⁹, а не атеистическому «светлому будущему». Они же позднее просили епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), энтузиаста обновления православного прихода, представлять их интересы на Поместном соборе 1917–1918 гг.¹⁰ Совершенно очевидно, что большевики, выдавая желаемое за действительное, явно преувеличили интенсивность (и, главное, бесповоротность) секуляризационных процессов.

³ См.: *Рогозный П. Г.* «Церковная революция» в Орловской епархии: к изучению социально-политической борьбы в Российской православной церкви после Февральской революции // Новая политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2004. Вып. 4; *Его же.* «Церковная» революция в Тверской епархии в 1917 году: к изучению социально-политической борьбы в Российской православной церкви // Православное духовенство дореволюционной России. Тверь, 2005.

⁴ См.: *Рогозный П. Г.* «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125).

⁵ См.: *Белявский Ф. М.* Очерки по приходскому вопросу. СПб., 1917.

⁶ Сибирская жизнь. 1917. 18 март.

⁷ См.: *Рогозный П. Г.* Генезис термина «большевизм» в церковной среде: к изучению языка Российской революции // Новая политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2002. Вып. 2.

⁸ Петроградский листок. 1917. 21 апр.

⁹ Кстати сказать, бульварная пресса давала подобным тенденциям неадекватное объяснение: сообщалось, к примеру, что «разрешение на участие в первомайской демонстрации прихожанам под церковными знаменами было дано большевиками». Писали также, что «рабочие заявили о желании «выставить в митрополиты петроградские» известного публициста Г. Петрова» (см.: Петроградский листок. 1917. 7 мая).

¹⁰ Раннее утро. 1917. 8 окт.

То, что началось сразу после Октября, скорее можно назвать «красногвардейской атакой» на «контрреволюционных попов», нежели началом государственного наступления на религию. Известные заявления патриарха Тихона (Беллавина) были неадекватно восприняты новой властью – большевики опасались, что его призывы к прекращению гражданской войны вызовут массовые акции антисоветского характера. Революционеры всегда «судят по себе» – отсюда столь острые реакции даже на пассивное сопротивление. В основе последующих спонтанных расстрелов красногвардейцами крестных ходов также лежал страх перед стихийным возмущением масс.

В годы гражданской войны, когда большевикам пришлось сконцентрироваться на задаче удержания власти, они стали смотреть на духовенство как на *политического* противника, которого, в соответствии с традицией межпартийной борьбы, надо было «разложить» изнутри. Задача подавления РПЦ оценивалась под углом зрения привычной «борьбы за массы», которая в соответствии с приобретенным опытом требовала тактического многообразия (включая использование обновленцев или сектантов). Наконец, большевики, убеждённые в непреложности своей миссии, но не получив отдачи от привычных демагогических приемов, сохраняли уверенность, что в ходе движения к социализму сама жизнь покажет, кто был прав в борьбе за души людей.

В период «военного коммунизма» большевистское рвение по части уничтожения «опиума для народа» также не повлекло за собой ожидаемого результата. Кампания по вскрытию мощей не дала должного пропагандистского эффекта; более того, в деревне наблюдался естественный для всякого военного времени всплеск религиозности. Соответственно поворот к нэпу потребовал серьёзной корректировки отношения к РПЦ.

Новая экономическая политика предполагала ряд серьёзных послаблений мелким собственникам, и прежде всего крестьянству. Это означало, что в деревне может укрепить свои позиции не только крестьянская община, но и сельский приход, где «кулак объединится с попом». Не случайно параллельно известному процессу над правыми эсерами развернулись гонения на высших церковных иерархов. Но тогдашние акции вновь не дали ожидаемого атеистического эффекта, последовал «церковный нэп»: были строго запрещены административные меры давления на РПЦ, подчёркивалась необходимость перевоспитания масс, особенно в сельской среде¹¹. И хотя Л. Д. Троцкий, один из инициаторов тотального наступления на религию, надеялся, что РПЦ удастся разгромить с помощью временных попутчиков в лице «живоцерковников», итог кампании разочаровывал: обновленчество потерпело поражение. По словам Е. М. Ярославского, в начале

¹¹ Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Schriften des Historischen Kollegs. Kollquien 43. Oldenburg, 1998. P. 210.

1930-х гг. оно вообще перестало существовать¹². Независимо от того, насколько глубока была народная набожность, сломать многовековую традицию было непросто – провалилась даже попытка введения нового церковного календаря¹³. Не оправдался расчёт и на рост антирелигиозной активности низов: возглавляемая Е. М. Ярославским Лига воинствующих безбожников, как все тогдашние добровольные общества не обладала чертами и качествами собственно общественного объединения¹⁴. Выборочные данные, относящиеся к 1927 г., показывают, что, хотя удельный вес верующих был довольно низок среди рабочих, в сельской местности он оставался весьма высок¹⁵.

Началом нового витка репрессивной политики стал 1928 г. Это было связано с коллективизацией и может расцениваться как политически превентивная мера и побочный итог «раскулачивания» одновременно. Кроме игнорирования юридических прав верующих и массовых немотивированных отказов в регистрации религиозных объединений последовала серия дискриминационных мер социально-экономического характера: непомерное повышение квартплаты, а то и выселение из муниципальных квартир «лишенцев», увеличение налога на «нетрудовые доходы» до 75%¹⁶. Во всем этом таилось трагическое предзнаменование: незарегистрированный в качестве главы церковной общины священник попадал в разряд «частных предпринимателей» (!), что автоматически превращало его в жертву последующей репрессивной кампании (анализ следственных дел 1937–1938 гг. показывает, что именно на основании «неуплаты налогов» и «нетрудовой деятельности» священники «зарабатывали» первую судимость со всеми вытекающими отсюда последующими расстрельными последствиями¹⁷). Следует учитывать и опосредованные формы борьбы с религией: вытеснение церковных праздников с помощью «непрерывной рабочей недели», закрытие церквей под предлогом организации в них клубов и библиотек, а также изъятия церковных колоколов «на нужды индустриализации»¹⁸. Все это сопровождалось заявлениями об «оживлении деятельности церковников» и даже угрозе «кулацко-церковного террора».

Уголовному преследованию предшествовали «разъяснительные» мероприятия. В резолюциях XV съезда ВКП(б) и VI конгресса Коминтерна говорилось о «нарастании классовых противоречий», что «неминуемо тре-

¹² Freeze G. L. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review*. 1995. V. 54. No. 2. P. 305–306.

¹³ Freeze G. L. *Op. cit.* P. 338–339.

¹⁴ Правда. 1925. 1 нояб. Лига возникла на месте Общества друзей газеты «Безбожник». Появилась и организация Юных безбожников.

¹⁵ Freeze G. L. *The Stalinist Assault on the Parish*. P. 212.

¹⁶ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Док. и фотоматериалы. М., 1996. С. 245, 268–270.

¹⁷ Подсчитано по: Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 7849.

¹⁸ Freeze G. L. *The Stalinist Assault on the Parish*. P. 214–219.

бует перестройки всех общественных отношений»¹⁹. В января 1929 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О мерах усиления антирелигиозной работы». В нём напрямую увязывались «религиозные настроения массы» и «медленные темпы социалистического строительства», сохранившиеся церковные «двадцатки» назывались «единственно легальными контрреволюционными организациями», которые «имеют влияние на массы»²⁰. Доктринеры всегда ищут врагов. По сути, этот указ положил начало не только массовым арестам священнослужителей и мирян в 1929–1932 гг., но и сыграл роковую роль в ходе последующих репрессий: в 1937–1938 гг. былая судимость станет «рекомендацией» для включения в расстрельный список.

Одновременно специальной антирелигиозной комиссией (далее – АРК) прорабатывались вопросы, связанные с ограничением права граждан на свободу совести. В итоге были «подправлены» два пункта Конституции РСФСР, более точно установлено количество действующих культовых зданий. Тогда же был взят курс на осторожное сокращение числа приходов и ограничение издательских возможностей всех конфессий. Но в конце 1929 г. деятельность АРК была признана неэффективной, её функции были переданы в секретариат ЦК. Это открывало новые возможности для ликвидации церковных структур: появившаяся Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР обладала конкретными властными полномочиями. Так противостояние двух идеологий перешло в стадию открытых гонений.

К кампании по борьбе с религией подключились пресса, школа, общественные организации. «Очередной задачей» советской власти становилась тотальная идеологизация на основе разрушения «отживших» семейных ценностей. При этом власть учитывала традиционную склонность населения к ритуалистике и умело использовала её. Коммунисты проявили изрядную изобретательность в создании новых обрядов, обычаев, праздников (особенно детских), которые, несомненно, оказывали сильное воздействие на ментальность подрастающего поколения. Агрессивность тогдашней молодёжи известна²¹. Вместе с тем примечательно, что в мае 1929 г. Политбюро объявило, что многие низовые партийные организации недооценивают численность верующих в составе населения (80%), а также уровень распространения предрассудков и при этом переоценивают рост антирелигиозных настроений среди крестьянства. Со своей стороны в августе 1930 г. Комиссия по культам жёстко высказалась против «левацких перегибов» в атеистической работе. Были осуждены вопиющие издевательства над чув-

¹⁹ См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1925–1939. М., 1941. Часть II. С. 793–797.

²⁰ См.: *Дамаскин (Орловский), иг.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 12.

²¹ Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish. P. 221–222. Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1–4 и др.

ствами верующих, вроде стрельбы по иконам²². Из этого следует, что окончательный удар по церкви мог последовать только по мере взросления нового атеистически воспитанного поколения.

Итоги антирелигиозной кампании 1929–1933 гг. были подведены в 1935 г.²³ Обнаружилось, что по сравнению с данными на 1914 г. численность молитвенных зданий, как и служителей культа, сократилась вдвое – сохранилось не более 25 тыс. храмов и 20 тыс. действующих священников²⁴, в то время как «воинствующих безбожников» (по официальным и явно преувеличенным данным) насчитывалось около 5,7 млн.²⁵ Эти сведения в совокупности с иными данными позволяли делать заявления о том, что в стране «происходит великая переделка людей»²⁶. Большевики – таков был доминирующий «прогрессивный» стиль мышления XIX в. – не допускали возможности каких бы то ни было попятных движений в сфере общественного сознания. Именно поэтому, по мнению Г. Фриза, как и в случае с коллективизацией, после атаки 1929–1930 гг. последовал откат, но в целом выполнение основной задачи антирелигиозной кампании – разрушение церковной инфраструктуры – было продолжено. По официальным данным теперь действовало лишь 28% религиозных общин²⁷. Казалось, совсем скоро в СССР «имя Бога будет забыто». Спрашивается, чем можно объяснить тот факт, что этого не случилось?

Вопреки большевистским ожиданиям, на местах сохраняли свою устойчивость церковные обряды, разлагающие не только «советскую мораль», но и противостоящие, как казалось, «социалистическому строительству» в целом. Чистки 1920-х – начала 1930-х гг. не истребили ни церковные «двадцатки», ни, тем более, не подавили потребности в opravлении привычных ритуалов. Партийные активисты и «сознательные» журналисты сокрушались, что не только старики, но и молодёжь по-прежнему посещает немногочисленные храмы. В ряде центральных областей действовало церковное подполье – Истинно-православная церковь и т. п.²⁸ Массовые дан-

²² Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish. P. 223.

²³ Заметим, что данное мероприятие совпало с «наведением большевистского порядка в собственном партийном доме» 1935–1936 гг., когда только в Москве не получили новые партийные билеты 7,5% общего числа проверенных коммунистов²³, а в Калининской области чистка рядов продолжалась и в 1937 г. См.: Пономарёв А. Н. С. Хрущёв и репрессии 30-х годов // Россия. XXI. 1996. №. 1–2. С. 163; ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 526.

²⁴ По мнению Г. Фриза, данные о закрытии церковей противоречивы и неполны. Как бы то ни было, по сведениям, извлеченным из партийных архивов, следует, что в 1936 г. из 73963 церковей (1917 г.) было закрыто 41948 и оставшиеся 30553 формально действовали. В действительности, тем не менее, примерно треть из официально действовавших церковей перестали функционировать. См.: Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish. P. 224.

²⁵ Цытин В., прот. История Русской Православной церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 197.

²⁶ См. Резолюция VII конгресса Коминтерна о победе социализма в СССР // ВПК(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. С. 800–803.

²⁷ Freeze G. L. The Stalinist Assault on the Parish. P. 223.

²⁸ См.: Шкаровский М. В. Русская церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. Факт «активного сопротивления» советской системе сейчас признают и другие историки. См.: Коровин Н. Р.

ные, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации, позволяют утверждать о существовании в середине 1930-х гг. массового народного движения против закрытия храмов²⁹. Можно согласиться с общепринятым уже мнением, что бюрократическая секуляризация породила «бумажные достижения». Но большевикам, верящим в магическую силу приказа, всё это было непонятно.

Итак, совершенно очевидно, что характер отношений между РПЦ, её духовенством и новой властью определялся интересами последней, но зависел от силы сопротивления верующих искоренению православия. Перманентные гонения верующих в СССР оказались мало результативными, повсеместно сохранялись своеобразные «анклавы веры», что заставляло власть рассматривать служителей культа как силу, способную воздействовать не только на индивидуальное, но и групповое поведение граждан. Этого было достаточно для того, чтобы всех, связанных с церковью, включить в перечень классово-враждебных элементов – так закладывался фундамент массовых репрессий.

Здесь возникает второй не менее сложный вопрос: могли ли православные священники равнодушно взирать на большевистское насилие? Пора признать, что совершенно естественными в таком случае были антисоветские, а то и промонархические настроения среди большинства священнослужителей. Антисоветские проповеди, саботаж декретов, поддержка белого режима, личное участие духовенства в столкновениях с властью – то, что являлось безрассудством в условиях правительственного террора, с канонических позиций можно было оценивать как своеобразное проявление подвижнического долга. Правда, некоторые современные историки, следуя новой «генеральной линии» в отношении к церкви, пытаются скопом перечеркнуть все обвинения большевиков в адрес РПЦ и духовенства³⁰. Но корректен ли такой подход со стороны историка?

Напрямую с темой «вины духовенства» перед советской властью сопрягается и проблема обновленчества. Современная историография квалифицирует церковных обновленцев – проповедников идеи демократизации церкви и организаторов первых реформированных приходов («Живой церкви») как чуждое официальной церкви явление, а деятельность так называемых живоцерковников – как инструмент для развала «старой церкви» изнутри³¹. Однолинейность подобного подхода замечена уже давно. Современник событий 1920-х гг. И. Стратонов трактует этот факт гораздо шире: «Власть искала <...> случая, чтобы доказать, что она ведёт борьбу не с церковью, как таковой, а с лицами, которые хотят использовать эту орга-

Из истории Русской Православной Церкви. Иваново. 2004. С. 36; Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

²⁹ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5263.

³⁰ См., напр.: Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.

³¹ Кривова Н. А. Указ. соч. С. 217.

низацию против гражданской власти. Таким образом, был перекинут мост между властью и теми элементами клира, которые составили в будущем ядро живой церкви»³².

Не следует забывать и тот факт, что церковное реформаторство имело заметное прошлое – в 1920-е гг. нарастала уже его вторая волна. Церковь представляла собой к этому времени изнурённый внутренними болезнями организм и потому закономерно стала сдавать свои позиции. Для спасения авторитета церкви и веры требовались иные формы работы в массах, а главное – подвижничество. Программа демократизации церкви была выработана в ходе Первой русской революции, она находила поддержку и среди духовенства, и среди мирян. К 1917 г. идея отделения церкви от государства, школы от церкви, восстановления патриаршества, расширения прав верующих в рамках прихода, ведения богослужения на русском языке и т. п. была распространённой и среди православных, и представителей иных конфессий. Но православие сконцентрировалось на идее восстановления патриаршества. «Живая церковь» или некий её аналог в таких обстоятельствах непременно должны были появиться. Но альянс реформаторов с ГПУ, непонимание необходимости церковных реформ основной массой населения, отказ от них со стороны православной иерархии – всё это подталкивало события в сторону усиления властной репрессивности. Противоречия между «старо- и новоцерковниками» «пригодились» в ходе репрессивных кампаний в СССР: дележ храмов, приходов и прихожан ловко использовались властью в борьбе с верой.

Взаимоотношения между коммунистическими доктринерами и представителями «старого» религиозного учения нельзя рассматривать в границах привычных причинно-следственных связей. Нельзя навязывать событиям прошлого логику, наиболее понятную нам самим³³. Налицо были аффектированные формы борьбы, когда нападающая сторона не только не гнушалась иезуитскими приемами, но и постоянно подозревала в их использовании своего противника.

Чрезвычайно важной методологической проблемой остается адекватное прочтение официальных документов, сопровождающих репрессивную кампанию. *Язык* изученных документов, периодики и текст оперативного приказа № 00447 (1937 г.) (в соответствии с которым был нанесён «последний» удар по духовенству) весьма нечётко обозначали границы репрессируемой категории: «церковники». Термин появился в лексиконе власти в постреволюционный период, перекочевал в бытовой обиход и приобрёл новую, акцентировано- негативную коннотацию. В новой трактовке он охватывал всех так или иначе причастных к церкви и вере: и служителей

³² Стратонов И. А. Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 62.

³³ К сожалению, этим отмечена даже одна из весьма содержательных недавних работ. См.: Курляндский И. А. 1937 год: власть не от Бога // Вопросы истории. 2009. № 10.

культы, и мирян, которых рассматривали как носителей всё более враждебной идеологии, пользующихся самыми коварными приёмами.

Строго говоря, большевики использовали технологию инфернализации «чужого». Характерный пример – текст Н. Каржанского, лояльного к советской власти журналиста, причём с семинарским образованием, освещавшего процесс «смоленских церковников» (1–24 августа 1922 г.). Характеризуя подсудимых, он перечисляет их профессии: несколько чернорабочих, столяр, два сапожника, кондуктор, техники, приказчики, учителя, дворники, «торговка свежими огурцами», поденщицы. Оказывается, что это «подголоски» заведомого врага, вроде подкулачников. Их лидеры – «бывшие» помещики, офицеры, преподаватели семинарии и духовных училищ, домовладельцы, инженеры – в свою очередь, превращаются в откровенного классового противника³⁴. Что касается реальных представителей церкви (епископа Филиппа, протоиерея Ширяева), то их малочисленность, по мнению журналиста, не должна никого вводить в заблуждение. И хотя к расстрелу приговорили четверых мирян, также названных «церковниками» (обновленческий епископ Филипп отделался общественным порицанием, протоиерей Ширяев получил три года тюрьмы), за историей закрепились название «процесс церковников»³⁵. Это был знаковый прецедент, утверждавший образ коварнейшего, скрытно действующего врага.

Термин «церковники», утвердившись в прессе и официальных документах, стал настолько устойчивым, что иные авторы бессознательно клишируют его и сегодня. Между тем следовало бы задуматься: в тексте приказа № 00447 он превращается в «рабочий» термин, обозначающий потенциальную жертву. Характерно, что в этом же документе к «церковникам» были добавлены «сектанты». Кого на языке партаппаратчиков именовали сектантами: всех сохранивших причастность к неправославной религии и церкви или собственно «сектантских» проповедников – трудно сказать. Но очевидно другое: разновидность «зла» как бы расширила свои социальные границы, хотя её базовые элементы составляли враждебные друг другу религиозные группы. Дело вовсе не в том, что создатели документа не располагали знанием тонкостей церковного титулования или пренебрегали им. «Ёмкий» архаизм «церковники» объединял не просто всех служителей культа (священников и дьяконов), но и членов церковных «двадцаток», а также певчих, сторожей, уборщиц³⁶. Случалось, что и бывшие монахи идентифицировались как служители культа – церковники, хотя многие них вынуждены были давно превратиться в людей светских. Так социальное пространство «враждебной силы» расширялось, но для блюстителей соцзаконности открывалась возможность приумножать ряды «классовых врагов».

³⁴ Каржанский Н. Процесс смоленских церковников (1–24 августа 1922 г.). Смоленск, 1922. (Переизд. – Смоленск, 2008).

³⁵ Там же. С. 153–154.

³⁶ Там же. С. 14.

Следует отметить, что весьма условным – применительно в рассматриваемому периоду – является общеупотребительный термин – верующий (как и атеист). Верующие не только трудно поддаются социологической идентификации, они, согласно большевистским понятиям, не могут быть отнесены к числу нужных власти безбожников. Большевики готовы были именовать верующими всех тех, кто сохранил хоть какую то связь с церковью и так или иначе оказался втянут в водоворот околоцерковной политики. И если атеист, проводник большевистской антирелигиозной доктрины, воспринимался как нормальный человек советского общества, то верующий относился к разряду явных или, по крайней мере, потенциальных его врагов.

Правовая неопределённость всегда создаёт простор для злоупотреблений. Таким же размытым и мало понятным остается термин «молитвенное здание» – он также появляется в «советский период» на смену ранее общеупотребительному – церковь и храм.

В данном случае следует подчеркнуть, что терминологическая нечёткость создаёт для исследователей серьёзные трудности прежде всего в области статистики. По сей день ясности в подсчётах жертв не только на общероссийском, но и на региональном уровне не достигнуто. Известно, что самой многочисленной группой репрессированных «церковников» оказались священники, но иначе и быть не могло. Но по каким параметрам сталинские следователи искусственно формировали вокруг них «контрреволюционное окружение», столь же естественно превращаемое в «заговорщическую» или «шпионскую» организацию? Сектантов, судя по всему, в Калининской области после предыдущей «кулацкой операции» уже не осталось – лишь в одном следственном деле фигурирует «организатор секты» без каких-либо дополнительных пояснений³⁷. Из содержания справки УНКВД Калининской области «О вредительско-диверсионной деятельности в сельском хозяйстве» от 12 марта 1938 г. следует, что в январе 1937 г. было закончено «следственное дело на контрреволюционную сектантскую организацию (баптистов-евангелистов) антивоенников с привлечением к наказанию 44 чел.»³⁸. Очевидно, что к началу операции в рамках приказа № 00447 верующие неправославной ориентации (в бытовой и официальной терминологии – сектанты) были рассеяны и малозаметны для власти.

Между тем исследователи склонны связывать особо агрессивный настрой большевистской власти по отношению к «церковникам» главным образом с превратным толкованием ими новой Конституции (якобы устранившей преграды в религиозной деятельности) и «неожиданно» высокой религиозностью населения – особенно опасно в связи с предстоящей избирательной кампанией. При этом справедливо отмечается, что недопустимо

³⁷ См.: ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 21605 с.

³⁸ Из справки УНКВД Калининской области «О вредительско-диверсионной деятельности в сельском хозяйстве». 12 марта 1938 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док. и матер. 1927–1939. М., 2006. Т 5: 1937–1939. Кн. 2.: 1938–1939. С. 65.

интерпретировать итоги переписи населения 1937 г. в части религиозности населения «прямолинейно». Действительно, материалы переписи (как и другой источник) не следует прочитывать буквально – люди боялись «записаться не только верующими, но и неверующими»³⁹. Но дело даже и не в этом: следователи вынуждены были в кратчайшие сроки выполнить возложенную на них «историческую задачу».

Не приходится сомневаться, что в условиях «расстрелов по лимиту» и встречных инициатив местного начальства духовенство представляло собой весьма удобный объект для репрессий. Его представителям чрезвычайно просто было приписать роль руководителя «контрреволюционной организации» – к кому, как не к ним, обращались сомнительные в идейно-политическом отношении граждане?

Принципиально важно установить, кто скрывался под формулировкой «лица без определённых занятий», она встречается как в следственных делах, так и опубликованных «Книгах Памяти». В их число могли попасть не только всевозможные бродяги, но и оставшиеся не у дел священники. Так обозначается следующая проблема, связанная с современным состоянием документации.

Сами по себе источники, степень их информативности и достоверности (не говоря уже о доступности) составляют главную трудность для тех историков, которые берутся провести исследование террора против духовенства по всем правилам исторической науки. Совершенно очевидно, что следователь, священник и свидетель говорили на разных «языках» – язык обвинения изначально подавлял язык оправдания. «Аргументов защиты» в силу причин, изложенных выше, могло не остаться вообще. Абсолютизация официально зафиксированных данных может принести исследователю больше вреда, нежели пользы. Практически все фигуранты событий 1937–1938 гг. не были заинтересованы в сохранении реальной доказательной базы, а *post factum* реконструировали прошлое, тщательно шлифуя и закрашивая «ненужное». Словом, практически все попытки определить степень виктимности жертвы и реальной вины палача остаются «интерпретацией интерпретации». Даже в «прямой речи» непосредственных участников событий, которая иногда всё же встречается в документах, «степень вранья/достоверности» трудно определить сразу. Обычно ситуация проясняется лишь после знакомства с целым рядом однотипных текстов. При этом читателю не остается ничего иного, кроме как поверить (или не поверить) автору на слово.

Автору данной статьи приходилось использовать все доступные виды источников: опубликованные Книги Памяти по Калининской (Тверской), Курской, Горьковской (Нижегородской), Смоленской областям⁴⁰, мемуар-

³⁹ Курляндский И. А. Указ. соч. С. 16.

⁴⁰ Книги Памяти представляют собой поименные списки граждан, ставших жертвами тотальной «социальной зачистки» 1930-х гг. Они создавались трудами крупных коллективов специалистов и содержат по преимуществу кратко изложенные анкетные данные, полученные из

ную литературу, периодическую печать и, разумеется, архивные документы. Среди последних – переписка Комиссии по вопросам культа ВЦИК с подведомственными областными структурами о закрытии молитвенных зданий, многочисленные письма верующих «во власть»⁴¹, следственные дела репрессированных служителей церкви по Калининской области⁴². Знакомство с комплексом данных источников позволило усомниться в некоторых устоявшихся в исторической литературе мнениях.

Прежде это касается вопроса о планомерности террора, особенно по отношению к духовенству. Малограмотный следователь, а таковых было большинство, в любом случае не мог точно выполнить все указания вышестоящих организаций: прокуратура требовала «соблюдения законности», партийные органы – максимальной зачистки всего социального пространства от любых сомнительных элементов. Ему в свою очередь приходилось постоянно расширять круг подозреваемых, соответственно фабрикуя документацию.

Как не раз подмечали исследователи⁴³, для следственных документов характерно большое количество неточностей (искажений имён, духовных санов и званий), элементарных грамматических ошибок (что затрудняет определение мест рождения и служения), описок и исправлений. Совершенно очевидными являются изъятия из дел отдельных страниц, причём порой даже нарушается общая нумерация.

Словом, при анализе перечисленной выше документации следует учитывать «размах обмана и очковтирательства в СССР»⁴⁴. Строго говоря, это проблема советской истории в целом; всякий раз надо постараться уловить не просто «коэффициент погрешности» того или иного документа, но и тот

архивов ФСБ. В разных областях они создавались практически синхронно, но принцип отбора информации составители определяли сами, и потому по содержанию Книги Памяти отличаются друг от друга. Так, в одних мы находим кроме имени, год и место рождения, социальный статус на момент ареста, дату ареста, вынесения обвинения, приговора, исполнения наказания и реабилитации (напр.: Книга памяти по Калининской области), в других – более лаконичную информацию. «Книга Памяти по Калининской области» содержит при этом только расстрельные приговоры и т. п.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5263.

⁴² ТЦДНИ. Ф. 7849. Следственные дела состоят из ордеров на арест, анкет арестованных, протоколов допросов обвиняемых и свидетелей, характеристик и справок местных органов власти. На сегодняшний день проанализированы материалы нескольких десятков следственных дел, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории. Их содержание достаточно репрезентативно отражает сложившуюся ситуацию. Более того, в иных делах даже после неоднократных изъятий сохранились нежелательные фрагменты: агентурные донесения, переписка информаторов с вербовщиками, личная переписка, так называемая «производственная» информация, отражающая перипетии внутрицерковной жизни Калининской епархии в рассматриваемый период, справки о состоянии здоровья, отпечатки пальцев. Эти порой единичные документы помогают восстановить некоторые потаенные особенности следственной процедуры.

⁴³ См., например: Романова С. Н. Источники персональной информации о православном духовенстве XX века в Государственных архивах России // Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы. М., 2002. С. 234.

⁴⁴ Эпльбаум Э. ГУЛАГ. В паутине Большого террора. М., 2006. С. 338

«градус вранья», который определял процесс его составления. Сочинение любой отчетности в СССР определялось весьма противоречивыми факторами: с одной стороны, за приписки наказывали как за один из видов нелояльности, с другой стороны, система просто не могла существовать без облагораживания собственного имиджа на всех возможных уровнях.

Сложность поиска безошибочного подхода к исследованию темы репрессий усугубляется тем, что авторы порой оказываются подверженными соблазну упрощенных выводов и стремлений «дать правильный ответ». Между тем самое важное, что можно извлечь из наиболее трагических страниц человеческой истории, это понимание того, что они написаны не уникальными злодеями и тиранами, а обычными людьми – людьми, не сумевшими противостоять безумию своей эпохи. Задача историка в этой связи – показать, как легко и незаметно можно переступить грань разумного и оказаться в рядах охотников на ведьм.

Литература:

- Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
- Белявский Ф. М.* Очерки по приходскому вопросу. СПб., 1917.
- Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3.
- Каржанский Н.* Процесс смоленских церковников (1–24 августа 1922 г.). Смоленск, 1922. (Переизд. Смоленск, 2008).
- Коровин Н. Р.* Из истории Русской Православной Церкви. Иваново. 2004.
- Кривова Н. А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997.
- Курляндский И. А.* 1937 год: власть не от Бога // Вопросы истории. 2009. № 10.
- Леонтьева Т. Г.* Калининское духовенство в репрессиях 1937–1938 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Матер. VI Международной науч. конф. Иваново, 2007.
- Леонтьева Т. Г.* «Изъятие церковного элемента»: репрессии 1937–1938 годов // Книга Памяти жертв политических репрессий по Калининской области. Тверь, 2007. Т. III.
- Леонтьева Т. Г.* Священник, революция, власть: судьба Андрея Голикова // Долг и судьба историка: Сб. ст. памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова. М., 2008.
- Леонтьева Т. Г.* «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 36. No.2. 2009.
- Леонтьева Т. Г.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области. 1937–1938 гг. // Сталинизм в со-

- ветской провинции, 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.
- Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.
- Пономарев А. Н.* С.Хрущев и репрессии 30-х годов // Россия. XXI. 1996. №. 1–2.
- Рогозный П. Г.* «Церковная революция» в Орловской епархии: К изучению социально-политической борьбы в Российской православной церкви после Февральской революции // Новая политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2004. Вып. 4.
- Рогозный П. Г.* «Церковная» революция в Тверской епархии в 1917 году: К изучению социально-политической борьбы в Российской православной церкви // Православное духовенство дореволюционной России. Тверь, 2005.
- Рогозный П. Г.* «Церковная революция» и выборы архиереев в 1917 году // Исторические записки. М., 2004. Т. 7 (125).
- Рогозный П. Г.* Генезис термина «большевизм» в церковной среде: К изучению языка Российской революции // Новая политическая история. Источник. Историк. История. СПб., 2002. Вып. 2.
- Романова С. Н.* Источники персональной информации о православном духовенстве XX века в Государственных архивах России // Материалы по истории русской иерархии. Статьи и документы. М., 2002.
- Стратонов И. А.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995.
- Цыпин В., прот.* История Русской Православной церкви. 1917–1990. М., 1994.
- Шкаровский М. В.* Русская церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
- Эпльбаум Э.* ГУЛАГ. В паутине Большого террора. М., 2006.
- Freeze G. L.* The Stalinist Assault on the Parish, 1929–1941 // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. Schriften des Historischen des Historischen Kollegs. Kollquien 43. Oldenburg, 1998.
- Freeze G. L.* Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // Slavic Review. 1995. Vol.54. No.2.
- Leont'eva T.* Kirchen und Religionsgemeinschaften in den Jahren der «bolshewistischen Perestrojka» im Gebiet Kalinin // Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls № 00447. Berlin, 2010. S. 235–266.

T. G. Leontieva

**STALINIST TERROR AND ORTHODOX CLERGY: TO UNDER-
STANDING THE REASONS AND DIMENSIONS OF THE STATE
REPRESSIONS**

Summary

The article analyses state-clergy relations in the USSR in 1920–1930s and shows nature of Communist repressions against Russian Orthodox clergy.

Keywords: Orthodox clergy, Stalinist terror, repressions.

Научная библиотека ТВГУ